

Николай Чернышевский

# ПРОЛОГ

T8 RUGRAM

УДК 82-3  
ББК 83.3(2Рос=Рус)1  
Ч49

**Чернышевский, Н.**

Ч49 Пролог / Н. Чернышевский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 646 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-78029-7

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) — русский философ-материалист XIX века, революционер-демократ, теоретик критического утопического социализма, учёный, энциклопедист, литературный критик, публицист и писатель.

Роман «Пролог», посвящённый русской общественно — политической борьбе накануне реформы 1861 года, отменившей крепостное право, пропитан горечью осознания утраченных иллюзий автора, так и не дождавшегося революционного переворота. Описывая весенний Петербург 1857 года, Чернышевский намекает читателю на стремление к общественному пробуждению, на ожидания и надежды, которые теперь вызывали лишь горькую иронию: «Восхищаясь весной, город продолжал жить по-зимнему, за двойными рамами. И в этом он был прав: ладожский лёд ещё не прошёл».

BIC FC  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-78029-7

© Т8RUGRAM, 2018

© Т8 Издательские технологии, 2018

# СОДЕРЖАНИЕ

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

|                       |     |
|-----------------------|-----|
| ПРОЛОГ ПРОЛОГА.....   | 5   |
| ГЛАВА ПЕРВАЯ.....     | 7   |
| ГЛАВА ВТОРАЯ .....    | 77  |
| ГЛАВА ТРЕТЬЯ .....    | 127 |
| ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ..... | 195 |
| ГЛАВА ПЯТАЯ .....     | 253 |
| ГЛАВА ШЕСТАЯ .....    | 279 |
| ГЛАВА СЕДЬМАЯ .....   | 339 |

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

|                                        |     |
|----------------------------------------|-----|
| ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕВИЦКОГО ЗА 1857 ГОД..... | 377 |
| МАЙ .....                              | 379 |
| ИЮНЬ .....                             | 397 |
| ИЮЛЬ .....                             | 453 |
| АВГУСТ .....                           | 499 |



# **ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**

## **ПРОЛОГ ПРОЛОГА**

*Посвящается той, в которой будут  
узнавать Волгину*

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Было начало весны 1857 года. Весь образованный Петербург восхищался прекрасным началом своей весны. Вот уже третий день погода стояла не очень холодная, не совсем пасмурная; иной час даже казалось, будто хочет проясниться. Как же не восхищался бы образованный Петербург? Он был прав, если судить его чувство по петербургским понятиям о весне.

Но, восхищаясь весною, он продолжал жить позимнему, за двойными рамами. И в этом он был прав: ладожский лед еще не прошел.

\* \* \*

Часу в двенадцатом утра по солнечной стороне Владимирской площади, в направлении к Невскому, шли смуглая дама и бледноватый мужчина с плохую рыжею бороною. Они были жена и муж. Мужу было лет двадцать восемь или тридцать. Он был некрасив, неловок и казался флегматиком. Тускло-серые глаза его, в золотых очках, смотрели с тихою задумчивостью на жену. Жена весело смотрела вперед, беззаботно опираясь на руку своего спутника, и, по-видимому, очень мало думала о нем. Но заметила, что он не спускает с нее глаз, улыбнулась, сказала: «В три года все еще не нагляделся» — И опять перестала обращать внимание на него.

— Твоя правда, голубочка, — вяло согласился муж, подумавши; вздохнул и сказал: — А знаешь ли, о чем я думал, голубочка? Когда ж это будут у тебя свои лошади?

— Довольно смешно вздыхать, мой друг. Теперь мы живем хорошо; со временем будешь получать больше. Тогда куплю себе и лошадей. А пока отучайся не спускать с меня глаз: это забавно.

— Твоя правда, голубочка, — отвечал он и стал рассеянно глядеть по сторонам. Через минуту сострадательно усмехнулся.

Навстречу шел студент с длинными, гладкими, светло-русыми волосами, тоже некрасивый и неловкий, как и спутник смуглой дамы, тоже несколько сгорбленный, только в нем это было гораздо заметнее, потому что он был очень высокого роста, тоже бледноватый, тоже с тускло-серыми глазами, тоже в золотых очках. Он пристально смотрел на смуглую даму, и лицо его оставалось спокойно, холодно. Потому-то муж смуглой дамы и не мог удержаться от сострадательной усмешки: наконец-то нашелся человек еще хуже его самого. Еще юноша, и такая рыбья кровь! Муж смуглой дамы не знал, более ли смешон или более жалок ему этот студент.

— Чрезвычайно умное лицо у этого молодого человека, — сказала смуглая дама, когда студент прошел. — Необыкновенно умное лицо.

Муж подумал. Точно, лицо студента было не только холодно, но и умно.

— Правда твоя, голубочка. Должно быть, умный человек. Но бездушное существо, хуже меня.

— Почему же? Не влюбился в меня?

— Не смейся, голубочка, — отвечал муж, — это моя правда.

— Ты забавный человек, мой друг, — сказала жена, засмеявшись.

— Вовсе не я, голубочка, разве я сам думаю? Вовсе не сам; ты знаешь, я говорю это больше по слуху, чем сам. Все говорят мне. Чем же я виноват? — вяло возразил он. — Я тут посторонний человек; я говорю по чужим словам. А чужое мнение в этом надобно считать справедливым. Что правда, то правда.

— Перестань, мой друг, надоел.

— Ну, хорошо, голубочка, — согласился он и замолчал.

Через минуту начал мурлыкать нараспев, сначала про себя, потом слышнее и слышнее, неслыханным и невозможным ни в какой музыке мотивом: «Как у наших у ворот — ай, люли, у ворот, — стоял девок хоровод — ай, люли, хоровод». Он был глубоко убежден, что изумительный мотив не был его собственным сочинением.

— Перестань, мой друг, — заметила жена. — Ты, кажется, забыл, что ты идешь не один.

— А, точно, голубочка, — согласился он и несколько сконфузился.

Зная достоинство своей вокализации, он вообще занимался ею только для собственного удовольствия. Кроме того, жена убеждала его, что идти по улице и напевать — смешно, и он постоянно желал помнить это.

— С тобою стыд и смех, мой друг.

— Ну так что же за важность, голубочка, — с философским спокойствием отвечал он и стал с усиленным усердием глядеть по сторонам, чтобы опять не замурлыкать по рассеянности. — Знаешь ли что, голубочка? — начал он

через минуту. — Ты отпустила бы меня. Уверяю, отпустила бы — ну, что же не отпустить? Прогулялся довольно. А ты сама купишь мне перьев. Уверяю, купишь. А то в другой раз: у меня еще есть несколько.

— Как тебе не совестно? Прошел двадцать шагов и уверяет, что довольно!

— Не двадцать, голубочка, а двести или гораздо больше. Уверяю.

Жена оставила это уверение без всякого ответа.

— Ну, что же, голубочка? Я только так сказал, а я иду с удовольствием. Уверяю. Как же? Разве я не понимаю, что ты принуждаешь меня только для моей же пользы, а не то что тебе самой приятно, что я иду с тобою.

— Если понимаешь, то зачем же сердишь? С тобою больше скуки, чем с Володею.

— Видишь ли, голубочка, ты делаешь это потому, что думаешь, будто вредно, что я все сижу. Но я не все только сижу, я тоже и лежу. Зачем же мне ходить?

Рассуждение не было лишено основательности. Но жена только промолчала на него. Муж глубоко вздохнул и опять стал глядеть по сторонам с апатиею, не совершенно соответствовавшей тяжести страдания, выраженного вздохом.

По одну сторону была мелочная лавочка, дальше вывеска сапожника, дальше ничего замечательного. По другую сторону — тротуарные тумбы, голубая извозничья карета, опять тумбы, тумбы, тумбы... Дальше, с этой стороны все то же: тумбы, тумбы; с той — лавочка, лавка, лавочка, прекрасный подъезд с резными дубовыми дверьми, с бронзою.